

Наверное, бывают такие моменты в жизни, когда кажется, что всё идёт слишком хорошо и ты понимаешь, что, возможно, всё это, либо нереальное везенье, либо подстроено, либо... затишье перед бурей? Последние восемь часов, за которые Франкенштейн, словно хотел вбить в меня всё то, что, по его мнению, должен знать один, кхм, удачливо подвернувшийся попаданец, отныне исполняющий обязанности Виктора Франкенштейна, прошли именно в таком ключе.

В какой-то момент у меня даже сложилось ощущение, что всё идёт настолько хорошо и гладко, что вот прямо в следующую секунду, уставший взгляд Виктора вдруг станет пугающе острым, а затем, под аккомпанемент воющей белугой паранойи, тот исчезнет вмиг из поля зрения, дабы материализоваться за моей спиной. Я запоздало обернулся, лишь только для того, чтобы увидеть его абсолютно здоровым и с застывшей на лице гримасой отвращения в тот момент, когда его рука на неразличимой для глаза скорости устроит мне «три хэндрид бакс» грудной клетки, с дополнительной услугой, в виде бесплатного массажа сердца... Предварительной вырванного из своего законного и задуманного природой, места. Ну а когда я осознаю, что моя жизнь подошла к концу, он с лёгкой насмешкой в голосе напоследок бросит нечто вроде: «Серьёзно? И ты в это поверил? Ничтожество...»

Бр-р-р...

Всё шло слишком хорошо. Слишком гладко для того, чтобы бы быть правдой. Словно в какой-то РПГшке, где тебе весь первый акт из каждой подворотни капали на мозги о таком-сяком злом, крайне сильном и страшном «главгаде», что ты, естественно (ведь не будут же тебе врать игроделы, да?) воспринял всерьёз, отчего начал налегать на сайдквесты и, вообще, гриндил аки корейская «киберкотлета» в его лучшие годы. А потом, когда наконец настал тот долгожданный миг финальной битвы, оказывается, что злодей помер от трёх не самых твоих сильных ударов. Опаска? Ожидание подвоха? Жгучее чувство обманутых ожиданий?

Всё моё естество кричало, что так не бывает – тут где-то есть подвох, отчего паранойя в своём судорожном порыве окружила себя не просто десятью слоями прочнейшего барьера, а, казалось, плюнула на своего туповатого хозяина и начала строить крейсер класса «Звёздный Разрушитель», дабы свалить к чертям собачьим подальше от будущей подставы планетарных масштабов...

Да, я все прошлые дни упорно уверял себя, что, пусть план и говно, но «иного выбора нет», «я должен» и так далее и тому подобное. Только в глубине души, несмотря на внешнее бахвальство и оптимизм, понимал – мой план не просто «говно», а, вообще не имеет и десятой доли процента на успех. Слишком он сумбурен. Слишком безумен. Но... Вот он я, после восьмичасовой лекции, сижу и слушаю последние напутствия Виктора.

— Знаешь... — в его голосе чувствовалось нечто странное, словно какой-то противоречивый подъем духовных сил. Это напомнило мне последние минуты деда, когда он, страдая в больнице от боли настолько, что даже болеутоляющие пасовали, едва мог нормально говорить, но за несколько минут перед смертью, когда мы все собрались вокруг его кровати, словно очнулся от дурного сна. Его голос больше не дрожал. Слова не путались. Он вновь был тем самым Железным дедушкой, каким я помнил его всё своё детство. Несгибаемый, волевой, идущий с высоко поднятой головой и так же встречающий все невзгоды на своём пути. В тот момент, перед самой смертью, он говорил свободно, с каким-то облегчением и... прояснением?

Словно его разум и тело пришли к пониманию, что на этом всё – его приключение длиною в жизнь подходит к концу. Больше не нужно сражаться, терпеть и страдать. Ещё несколько минут и всё закончится. — Я говорил, что отдаю тебе всё и только тебе определять твоё новое будущее... Но у меня есть одна просьба, выслушаешь?

Я кивнул.

— Хорошо, — Виктор вздохнул. — Твой... язык. Речь.

— Эм, а что с ней?

— Сквернословие, — он слабо улыбнулся. — Знаешь, сквернословие — это не то, что я мог себе позволить, — пока я слабо понимал, куда он клонит, но Франкенштейн не дал мне возможности прервать себя для вопроса.

— Я лишь хочу попросить тебя следить за тем, как ты говоришь. Культура в речи – культура в мыслях, — он поднял указательный палец правой руки. — Культура в мыслях – культура в сознании, — теперь настал черёд указательного пальца левой руки. — Культура в сознании же, не позволит тебе пасть жертвой Копья, — по мере слов, Виктор свёл два указательных пальца вместе, а потом ехидно ухмыльнулся.

— В ином случае, когда Копьё пожрёт твою душу, я приду и убью тебя за то, что умер такой тупой смертью... — странно, но именно это убедило меня, что все мои опасения напрасны. Нет никакого скрытого плана или ещё чего. Всё реально. Виктор Франкенштейн действительно настолько устал, что считает нынешнюю возможность лучшей для себя. Лучшей, чтобы наконец уйти на покой. Отдохнуть от бесконечной битвы против всех... Ну а ещё он засранец, рожа которого сейчас явно просит, нет не тапка, а самого настоящего кирпичного завода.

— Да, да, я понял тебя, — с улыбкой на лице я смотрел, как его тело начало истлевать, словно растворяться в воздухе, освещая кабинет тёплым светом. — Давай уже, «уёбен зи битте», — кажется я уже говорил, что все эти красивые и сочувственные слова – не мой конёк... Хотя теперь, скорее всего, придётся этому научиться, как и завещал Виктор Франкенштейн.

Лицо моего собеседника озарила мягкая и тёплая улыбка, а последние его слова, наполненные задором и разливающимся по всему внутреннему миру облегчением, перед тем как он окончательно покинул этот мир, навсегда останутся в моей душе.

— Какая же ты всё-таки сволочь... Хотя... Может ты и вступишь в этот безумный мир со своим дурацким чувством юмора. Мне даже интересно, сможешь ли ты задолбать вампиров своим пением...

— Мне тоже, Виктор. Мне тоже... — тихо сказал я в пустоту.

Минута. Две. Три. Время тянулось столь медленно, что на какой-то миг мне показалось, будто я вновь вернулся туда, в пустоту. Я чтил память гениального человека, ушедшего в, надеюсь, лучший мир, лениво ворочая мысли во вмиг опустевшей голове. Зуб даю, окажись на моём месте сейчас кто угодно и он бы с лихой и придурковатой улыбкой на всём лице прыгал, бегал и радостно вопил, что всё получилось, он смог и далее по тексту. Вот только радостное настроение как-то не спешило приходить, вместо себя загоняя в разум мрачные мысли: ну смог и что дальше? Дальше-то мне чего делать? Об этом я как-то даже и не думал...

Виктор ушёл, оставив после себя неприятное чувство потери, которое я только сейчас смог осознать, ведь за столько времени он стал для меня кем-то ближе, чем просто «бывший владелец тушки». Он ушёл, а я теперь снова остался один...

— А сказать, как мне в тело-то попасть он и забыл...

Стоило этим словам против воли вырваться наружу, как я почувствовал слабое дуновение ветерка. Ага, «ветерка». В закрытой комнате. В подсознании. Не успел я насторожиться, как ветер усилился, заставив листы на столе зашевелиться. Сначала едва заметно, но с каждым мигмом ветер становился всё сильнее. Меня будто что-то пыталось вытолкнуть, куда-то сдуть, а мысли о сопротивлении сами собой давились, едва только успевая появляться.

Признаюсь честно, в тот момент я запаниковал. Сопротивляться давлению с каждым моментом становилось сложнее. Мне казалось, будто за каждую клеточку, каждый атом моего тела зацепили маленький крючок, присоединяя их к мощнейшей лебёдке, подавляющей любое сопротивление. Когда же я уже мысленно распрощался с жизнью, меня наконец выбило словно пробку из горлышка сильно встряхнутого шампанского, чтобы в следующий миг всё моё тело содрогнулось от небывалого до этого приступа боли.

Я не мог кричать – боль, казалось, сковала мощнейшими тисками всё моё тело. Не мог двигаться, даже мыслей в голове не было, всё это заменила собой Боль. Но также внезапно появившись, она начала и отступать. Сказать по правде, я даже не сразу понял, что нечто изменилось, всецело отдаваясь блаженству от схлынувшей агонии. Какого же было моё удивление, когда я услышал равномерный приглушённый стук, неприятно отдающий в виски и заполняющий окружающую тишину. Вернее, удивление было не от самого стука, а того, что я вдруг осознал его источник. Сердце. Это был равномерный стук сердца. Моего сердца.

За осторожной догадкой последовала вторая, третья, пятая... В голове словно взорвался фейерверк, а пересохшие губы выдавили из себя скрипучее, но столь вожделенное слово:

— Получилось... — затем второе. — Выкуси... — и третье. — Марвел...

К сожалению, долго предаваться мстительной радости на тему своего успеха я не смог – пусть та яркая вспышка боли и отступила, но на её место пришла другая – ноющая и монотонная. А ещё я чувствовал дикую слабость во всём теле, будто при болезни – гриппе там или ещё какой, но только в сто раз хуже.

Глаза начали шарить по едва различимой из-за отсутствия освещения, округе, стараясь оценить свою диспозицию: тело, теперь уже точно моё, одна штука; мрачное помещение с каким-то монструозным металлическим столом-постаментом, на котором я и лежу, одна штука; капельница с жидкостью, одна штука; выключенная лампа над столом, до боли напоминающая своих собратьев из операционной, три штука. Чтож, местные ребята явно фанаты гротескного футуризма – один только высоченный потолок, навскидку, метров пяти, чего стоит, а уж антураж в целом – точно логово каких-то вивисекторов кровососущих из двадцать первого века.

Новый «хениальный» план так и не спешил приходить, даже после того, как я смог осмотреться, насколько мне позволяло скованное тело, а значит что? Правильно, будем вспоминать, что там в меня «понавбивал» добрый дядя Витя, авось чего путного придумать по ходу смогу. Иного выбора у меня опять не было – первая же попытка пошевелить руками закончилась полным фиаско. Мышцы напрягались, но были столь слабы, что попросту не могли преодолеть жесткие ограничители, коими выступали металлические штыри, утопленные в моё тело. Кстати, мне бы тут, наверное, стоило начать паниковать – как-никак кровища повсюду, металлические штыри во всём теле и, вообще, я так-то в логове кровососов БДСМщиков торчу, но, видать я, то ли перегорел уже, то ли подспудно готов был благодаря записям на столе и живым описаниям Виктора... Так что ни паники, ни чего другого не было. Ладно, вернёмся к восьмичасовой лекции, лишний раз стараясь не спугивать блуждающую на границе сознания мысль о том, что я уже где-то такие штыри видел, только никак не могу вспомнить где.

В самом начале, когда я ещё потихоньку офигевал от того, что Виктор сказал своё веское «да», мне казалось, что всеми этими пафосными разговорчиками он набивал себе цену, ну или хотел меня запугать. Сейчас же, взглянув на прошлые пол дня иначе, я, кажется, стал понимать. Он не искал во мне приемника или собрата по духу, скорее просто устал и решил сбросить свои проблемы, сделав вид, что поверил мне на слово. Изначально ему было плевать, получится у меня или нет, выживу ли я, освобожусь ли. Плевать, но в то же время он действительно допускал подобную возможность, оттого и просвещал, желая поскорее свалитт. В общем, правильно Франкенштейн сказал – его совесть чиста, он отдаёт всё мне. Всё, память, тело, Копьё, но не Суть, понимание которой я так и не обрёл. Хотя, наверно, унаследуй я и её, то уже не смог быть самим собой, а стал скорее пиратской копией Франкенштейна. Хреновенькой, кривенькой и жёстко лагающей, копией.

Так же из его «важной для моего первичного выживания» информации удалось узнать, почему наше общение так буксовало вплоть до самого последнего дня. Во-первых, как, думаю, уже стало понятно, то место было его подсознанием – внутренним миром, в который он когда-то любил спускаться и где выстроил своеобразный блокпост между своим разумом и копьём. Почему не заглядывал туда раньше? Так не знал, что я там сижу. Для него я просто был внутренним голосом, а то, что я находился в его подсознании он не понимал. Как уже говорилось, теорию с одержимостью он даже не стал рассматривать. А я ей, одержимостью, по сути своей и являлся. Во-вторых, мои попытки «бороться с копьём» вызвали у Франкенштейна настоящий приступ умиления... Тот самый, когда взрослый наблюдает за ребёнком, самодовольно рассказывающим тому, как он круто и классно умеет тыкать себя вилкой в руку и не раниться... пластиковой вилкой.

Все мои ухищрения с «выдерживанием давления на разум» – полная ересь, не имеющая ничего общего с настоящим влиянием копья, в чем, я, собственно, сейчас и убеждался. Вернее, как,

имеют, но, по словам Виктора, лишь при развёрнутом состоянии. Иными словами, когда я призыву копьё в реальный мир и начну им пользоваться, тогда, возможно, я и вспомню эти свои «тренировки». В реальности же влияние копья больше напоминает что-то вроде навязчивой мысли, витающей где-то на задворках сознания. Нужно чётко и внимательно следить за ними, мыслями, быстро выявляя чужеродные. Иначе в один прекрасный момент я не увижу ничего плохого в том, чтобы выпустить Копьё и отдать ему своё тело и душу. В общем-то теперь я лучше понимаю смысл его последних слов о «культуре в сознании» – действительно, когда ты чётко (ну или хотя бы около того) контролируешь собственные мысли, то заметить чужеродные становится куда легче. Сейчас же мне приходилось учиться это делать, кхм, в экстремальных условиях – как птенца учат летать, выкидывая из гнезда.

По мимо этого, ещё в самом начале Франкенштейн признался мне, что понятия не имеет, что случится с кабинетом, когда он уйдёт: останутся ли книги – его знания – или канут в небытие. Поэтому-то в меня едва ли и не старались впихнуть «не впихуемое». Словно в ночь перед экзаменом я должен был выучить всё, что мог и даже больше. Краткий курс молодого бо... гения-вивисектора-химеролога-окультиста содержал в себе такие важные знание, как: куда идти, если всё же у меня получится вырваться от кровососов; где «нычки», с дневниками Виктора, в коих он описывал свои исследования и всякое другое. Даже выдал парочку своих контактов на случай, если мне нужно будет сменить личность, а её сменить нужно. Забавно, но сам Виктор сейчас щеголял под именем Вито Моретти. Дон Корлеоне недоделанный... Почему забавно? О, тут всё одновременно и весело, и грустно.

Этот гениальный... идиот, завёл себе привычку, полезную для бессмертного, менять официальные документы каждые двадцать-тридцать лет. Звучит здраво? Ага, вот только внешность он при этом не менял. Вообще. Даже причёску! Нет, согласен, во времена его молодости (ага, первые две сотни лет), подобное ещё и могло прокатить, но вот сейчас, особенно учитывая мои знания жителя двадцатых годов третьего* тысячелетия, о повсеместном внедрении камер... подобный финт со сменой документов, но не внешности, уже не будет работать от слова «совсем».

Вообще, копаясь в голове под едва различимый шум работы аппаратуры, я понимал, что во многом рисковал и жив сейчас только благодаря, нет, даже не удаче, а, так сказать, по велению левой пятки Франкенштейна, решившего, что он устал, он «мухожук». Мне сильно повезло. Я бы даже сказал, катастрофически, а по закону вселенной за этим должен последовать симметричный ответ – соразмерная везению жопа. Вопрос лишь в том, «откуда» и насколько... глубокая.

Именно этот момент вселенная, словно подслушивающая мои собственные мысли, решила ответить на мой невысказанный вопрос...

В помещении загорелся свет, больно ударяя по глазам, а спустя несколько секунд, замки на двери с резким звуком, чем привлекли внимание, отворились. Дверь открылась и в помещение вошёл мужчина, на вид лет тридцати пяти-сорока, с правильными «арийскими» чертами, зализанными назад блондинистыми волосами и круглыми очками в тонкой оправе. Вслед за ним в помещение вошли трое охранников в чёрной экипировке и касках с непрозрачными забралом, чем-то напоминающие униформу спецназа.

— Доброе утро, доктор Франкенштейн, — с заметным немецким акцентом проговорил блондин, встав рядом с моим столом. Заведя руки за спину, он стал вглядываться в почти опустевшие пакеты капельниц, на дне которых виднелась желтоватая жидкость — подавитель, которым накачивали Виктора. Впрочем, на его приветствие я решил промолчать, силясь понять, кто это вообще такой.

— Вы, как всегда, не многословны, — с мнимым расстройством в голосе покивал он. — Но не беспокойтесь, в скором времени у вас появится новый собеседник. Пусть ненадолго, но он скрасит ваши серые будни. Хотя... — он показательно сделал вид, что задумался, — Я всё же не буду нарушать сложившуюся у нас традицию и спрошу: «Готовы ли вы принять предложение Хозяина?» — я узнал его. Это именно тот вампирский выкормыш, с которого начинался каждый новый день Виктора! Тот самый, которому Франкенштейн отвечал...

— Твой хозяин может поцеловать в задницу себя и всё своё гнездо, — раз уж тут сложилась такая традиция, то кто я такой, чтобы её нарушать?

Тем временем, прихвостень перевёл взгляд к вновь открывшейся двери, в которую двое новых охранников в сопровождении третьего, под руки затащили какого-то чернокожего мужика, находящегося без сознания и одежды. Вернее, верхней одежды — труханы ему оставили... В отличии от Виктора. Сволочи!

— Ох, вы всё так же категоричны, доктор, — казалось, нисколько не сомневаясь в моём ответе, блондин подошёл к одной из панелей на монструозном постаменте, что-то быстро нажал, после чего с механическим звуком рядом с моим «ложем», поднялось из-под пола ещё одно, подразумеваю, точно такое же.

Блестящее медицинской сталью ложе с углублением, повторяющим очертания человеческого тела, имело в себе множество отверстий, из которых, после того как блондин нажал на панели несколько клавиш, выскочили острые штыри. После ещё одного нажатия на клавиши, штыри исчезли, а бессознательное тело чернокожего мужика было «заботливо» уложено в углубление стола.

— Доктор, — вновь обратился ко мне блондин, когда с телом смутно знакомого мне мужика было покончено. — Боюсь, отныне, с каждым днём ваша полезность для Хозяина будет лишь уменьшаться, пока не истаёт окончательно. — он вновь нажал пару кнопок и, под вскрик очнувшегося от резкой боли мужика, штыри прошли его тело насквозь, нисколько не замечая сопротивления кожи, мышц и костей, после чего наконечники раскрылись и с отвратным чавкающим звуком впились в тело, запустая маленькие моторчики, высасывающие кровь.

Так, стоп... Кого-то мне это собрат по несчастью напоминает.

Тем временем, блондин продолжил, смотря уже на очнувшегося и пучившего от боли глаза мужика:

— Мы заберём у вас всю кровь, до последней капли, — с растущим в глазах садистским

удовольствием блондин наблюдал за корчившемся от боли чернокожим мужиком. — Затем извлечём костный мозг, внутренности - словом, всё. Мы раскроем вашу тайну и создадим... дневных бродяг, — смакуя последние слова закончил он, переводя взгляд на меня.

Да ладно...

— Как я уже сказал, доктор, любое предложение имеет свой срок давности, и предложение Хозяина - не исключение. Оно истечёт в тот момент, когда этот экземпляр исчерпает всякую для нас полезность.

Ну, здравствуй... Блэйд.

---

* - вдруг кто не понял, гг говорит не о три тысячи двадцатом году, а о две тысячи двадцатом. Да, так говорят. Это как сказать “без двадцати два” и “час сорок”. Смиритесь.

<http://tl.rulate.ru/book/99886/3553164>